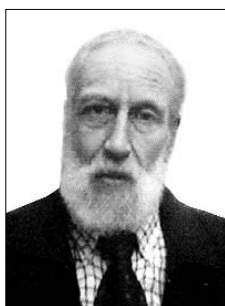

МНОГОЛИКИЙ ИПФ, или «ИНДУПЕД» XXI ВЕКА

Отечественные высшие технические учебные заведения имеют свой возраст. Одни — уже исчисляемый столетиями, другие, а таких большинство, созданы лет 70 назад. Что-то трудно припомнить те, которые появились в последнее десятилетие, — рынок образовательных услуг определил новые направления высшего профессионального образования. Теперь в известный спор «физиков» и «лириков» вступили менеджеры и маркетологи, финансисты и брокеры, юристы и психологи. И пока выигрывают, если не в споре, то в планах приёма.

Павел Лернер,
ведущий научный
сотрудник Центра
профессиональной
ориентации и
самоопределения
школьников ИСМО
РАО, доцент,
кандидат
технических
наук

Отечественные высшие педагогические учебные заведения имеют ещё более солидный возраст и свою историю становления, в которой наиболее драматичными событиями были, пожалуй, коллизии с военной кафедрой, медицинской подготовкой и трудовым обучением. К сожалению, на рынке труда профессия учителя в последние годы устойчиво сдаёт позиции.

Новейшая история нашего факультета восходит к открытию четверть века назад на физическом факультете головного педагогического института СССР отделения общетехнических дисциплин для подготовки учителей труда для средних школ. Учителя эти должны были учить мальчиков слесарно-токарному делу, а девочек — обслуживающему домашнему труду. В то далёкое время многие хотели быть учителями практически без дифференциации видов педагогической деятельности — просто тянуло к детям, в класс, в школу.

Так был создан факультет, который по Уставу МГПИ им. В.И. Ленина назывался индустриально-педагогическим. И хотя его часто обзывали «индупедом», все понимали, что факультет должен быть ориентирован на потребности промышленности в рабочих кадрах из числа вчерашних школьников.

Был создан учебный план, который эклектично объединял инженерию и педагогику, пригласили преподавателей из ведущих технических вузов, набрали по конкурсу студентов со всего Союза. В плановом хозяйстве страны факультет надёжно занял нишу на рынке образовательных услуг и учительского труда.

Между собой неуставно факультет называли инженерно-педагогическим, что вызывало раздражение: вы не можете готовить инженеров, по какой специальности вы собираетесь готовить инженеров? Эти возражения были справедливы, и факультет соглашался, что для подготовки инженеров нужны другая материально-техническая база и другой бюджет времени.

А между тем проблемы трудового образования нарастали и нашли отражение в школьной реформе тех лет. На уроках труда пора было уже интеллектуализировать трудовую подготовку, чтобы обеспечивать промышленность мобильными рабочими и инженерно-техническими кадрами. В министерстве это понимали и решили сделать факультет первопроходцем (институт-то головной!) — экспериментальный учебный план, нетиповые программы читаемых курсов, дипломные работы вместо госэкзаменов. А почти сотня родственных факультетов в огромной стране продолжали вдохновенно выпускать учителей традиционного труда.

И всё-таки почему инженер-педагог? Ведущие преподаватели рассуждали так: коли 80 процентов выпускников школ будут связаны с материальным производством, коли инженеры — специалисты, улучшающие технико-экономические и социальные

показатели материального производства, то им, как говорится, знания инженерии и педагогические умения в руки. К тому же инженерный позитивизм и алгоритмизация поисков оптимальных решений, казалось, способствуют достижению качества подготовки специалистов, которые смогут соединить мысль ребёнка с работой руками.

Следует честно признать, что синдром инженерной подготовки не был преодолен: будущих учителей обслуживающего труда изнуряли сопроматом, векторными диаграммами, устройством параметрических усилителей... Будущие учителя технического труда недоумевали, что они будут делать с этим джентльменским инженерным набором у верстака с тисками, у настольного станочка в школьной мастерской, где дети хотят, в первую очередь, повозиться с «железяками». К тому же корпус учителей труда к интеллектуализации своих уроков отнёсся без восторга, считая, что изготовление стандартизованных объектов труда много важнее предлагаемой «вербализации».

А тем временем в школах происходили перемены. Во-первых, в крупных городах создавалась сеть учебно-производственных комбинатов, которые на 10–15 профилях осуществляли допрофессиональную и профессиональную подготовку старших школьников. Там работали в основном специалисты с производства и особой нужды в наших выпускниках не было. Во-вторых, идеи политехнического образования уже угнездились на уроках труда — вал кратического образования накрывал школу и, конечно, наш факультет. Создавались программы и методические рекомендации, писались пробные учебники (прорывом в сознании был «двухтомник» — «Основы производства» и «Выбор профессии», который — в силу непреодоленного противоречия между физическим и умственным трудом — не был принят школой), строились «воздушные замки» коренного улучшения материальной базы уроков труда, писались диссер-

тации и монографии — разумеется, на все эти подземные толчки факультет должен был реагировать... коррекцией учебных планов, модернизацией содержания и методик преподавания, обустройством новых лабораторий и специализированных аудиторий.

Престиж традиционных уроков труда катастрофически падал: то, что предыдущим поколениям школьников представлялось интересным и привлекательным, теперь — в пору предчувствия информационного общества и структурной перестройки промышленного производства — казалось уже анахронизмом. Более того, становилось ясным, что уроки труда (или, как называл их Б. Никитин, «уроки трудового отучения») не дают адекватных представлений о современных работнике, технике, технологиях, экономике, экологии и практически не вводят в мир труда и профессий. Трудовое обучение не способствовало жизненному и профессиональному самоопределению растущего современного человека в изменяющемся мире.

Кое-где отказывались от уроков труда в пользу второго иностранного языка, гуманитарные и специализированные школы вообще декларировали ненужность «трудоу» в «инновационных» учебных планах; кое-где мастерские перестраивались под дисплейные классы. Разумеется, находились горячие головы, которые весьма громко говорили о закате материальных технологий, о всеильности информационных технологий, о том, что его величество компьютер вообще решит все проблемы трудового образования на уровне имитационных моделей и обучающих программ.

Факультет возглавил всероссийскую (это без преувеличения) работу по созданию пакета программ для новой образовательной области «Технология», развитию сети экспериментальных площадок в школах и УПК, выпуску пробных учебных пособий и учебников. Было проведено множество семинаров, конференций даже с международным участием,

совещаний — началась переподготовка учителей.

Появление новой концепции и идеологии подготовки учителей для новой образовательной области «Технология» неизбежно привело к смене... вывески — «индупед» стал называться факультетом технологии и предпринимательства.

Однако лицо факультета всё-таки не здание, не оснащение учебного процесса, не новейшие программы и стандарты. Подлинное лицо факультета — это более двух тысяч лиц наших выпускников.

Так получилось, что все 25 лет с факультетом меня связывают именно выпускники. Признаюсь, что среди них для меня наиболее привлекательны лица тех, кто до сих пор — 20, 15 или 10 лет — продолжают работать в школе или, по крайней мере, с детьми, в педагогике. Для меня они самые состоявшиеся, самые успешные, самые продуктивные. Конечно, среди них есть и учителя высшей категории, и городские методисты, и «Учителя года». Многие из них получили второе высшее образование — психологическое, экономическое, лингвистическое, художественное.

Замечу, что социологи сроком смены поколений считают 20 лет. На наших выпускниках это тоже заметно — разные они, выпускники, например, 1985 и 2005 годов. Сравнить их сложно, но не учитывать различий нельзя. Мне вообще повезло — в моём авторском 10-м классе в школе оказались дочери наших выпускниц. Для нас они из поколения next, которое ещё предстоит, в очередной раз, профессионально познавать и понимать. Однако это ещё не happy end, а только избежание возможного бесславного конца наших факультетов (под любой вывеской и под любыми предложениями), последствия которого для трудовой культуры народа, для экономики страны, для общества в целом, по сути, будут сходны с последствиями «ядерной зимы».

Перед факультетом сегодня встают новые задачи — и он в который раз должен стать первопроходцем — отказа от

технократического подхода, расширения гуманитаризации и вариативности подготовки специалистов, которых по западной моде числят теперь «учителями по профессии», «тьюторами жизненных планов», «наставниками социальной адаптации».

И действительно, о полноценности аттестата зрелости можно говорить только тогда, когда выпускник девятого или одиннадцатого класса с помощью школы узнал и то, что он хочет, и то, что он может в профессиональном плане, когда проблематика труда становится для него актуальной. Кто же как не выпускники нашего факультета должны помочь школьникам сделать правильные выводы о том, как, каким образом и какой ценой выживать в условиях постоянного выбора. Студенты и выпускники должны научиться помогать школьникам в их жизненном и профессиональном самоопределении.

Очевидно, для удовлетворения таким требованиям реформируемой школы надо радикально менять учебный план наших факультетов. Предметом университетского образования на таких факультетах должен стать **труд человека** в материальном производстве, в непроизводительной сфере, в семье.

Для этого должны изучаться не столько технологии, сколько трудология, история техники и технологий, производственная социология, инженерная психология, индустриальный дизайн, психология творчества, педагогическая кибернетика, инженерная педагогика, профессиональная педагогика. Изучать надо не токарный станок, параметрический усилитель, автомобиль, швейную машину (для этого есть технические вузы), а современного человека, занятого эксплуатацией, обслуживанием, созданием новой техники и технологий в изменяющихся реалиях жизни и трудовой деятельности при переходе от индустриального общества к постиндустриальному.

Наукоёмкость, энерговооружённость, высокий уровень автоматизации,

информационная наполненность технологических процессов, положенные в основание методологии обеспечения трудовой образованности и функциональной грамотности, ставят инженерную педагогику в ряд гуманитарных знаний, в которых, наряду с педагогикой, психологией, информатикой, интегрированы относительно новые дисциплины: педагогические менеджмент и инжиниринг, техническая герменевтика, инженерная психология, теория решения изобретательских задач, научно-техническая журналистика, психология технического творчества и другие. При этом важным на факультетах остаётся педагогическое проектирование деятельности учащихся и насыщение её интеллектуальным содержанием, чему целенаправленно должны быть отведены ресурсы учебного плана факультетов.

Общенаучные и инженерные знания будущих учителей технологии должны быть представлены на факультетах практико-ориентированными интегративными метапредметами, среди которых: основы естествознания, философия техники, сумма технологий, математика и производство, физика и производство, физика и здоровье человека, основы конструирования машин, дизайн, электронная автоматика, медицинская и бытовая техника, системы автоматизации умственного и физического труда. При этом должны быть радикально пересмотрены программы не только общетехнических дисциплин (попавших в учебные планы педагогических университетов калькированием учебных планов инженерных вузов), но и общенаучных дисциплин — математики, физики, химии, электротехники, информатики и др.

В перспективном учебном плане факультетов должно быть соблюдено соотношение базового и вариативного компонентов минимум как 3:5. Именно вариативная часть учебного плана плюс специализированные курсовые работы и проекты, дипломные работы позволят расширить спектр учительской специализации и востребованности в разных шко-

лах при сохранении единой для выпускников факультетов специальности — учитель технологии и предпринимательства, тьютор по выбору профессии.

Актуальной стала задача подготовить учителя, предрасположенного к интеллектуальному собственному росту и к изучению обучаемых, то есть не «уркодателя», а учителя-исследователя, способного воспринимать идеи педагогики сотрудничества, демократизации воспитательно-образовательного процесса учебного заведения — другими словами, подготовить деятеля лично ориентированной педагогики. При этом, конечно, должна быть преодолена дифференциация подготовки учителей технологии по половому признаку.

Подготовка учителя новой формации должна быть практико-ориентированной на овладение вариативным набором образов педагогических действий в системе «учащийся — учитель — образовательная среда», на проектирование архитектоники совместной деятельности, вид которой часто выбирает учащийся и которая определяется местными условиями.

Очевидно, что за период обучения студенты должны набрать опыт личного освоения («на себе») инновационных педагогических технологий.

Технологическое образование (студентов и школьников) призвано создавать образы видов деятельности людей, образы процесса и результатов эффективного труда, формировать эстетическое отношение к любой работе, а также представлять образцы (высокого класса) атрибутики профессий. К сожалению, выпускники школы вынуждены ограничиваться расплывчатыми образами профессий учителя, врача, инженера, своих родителей, работников правоохранительных органов, то есть тех, с кем имеют хоть какие-то контакты. Образы других профессий в лучшем случае формируются просмотрами кинофильмов и телесериалов.

Вот уж воистину новая образовательная область! **НО**